

УДК 940.3:303.446.4

Г. С. Морозов*Марийский государственный университет, Йошкар-Ола***ПРОБЛЕМА РУССКОГО ПЛЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Статья посвящена изучению современной отечественной историографии русского плена времен Первой мировой войны. Актуальность проблемы возросла в связи со 100-летием со дня начала события мирового масштаба и появлением новых направлений научных исторических исследований. В советской историографии данная проблема не получила всестороннего анализа и объективной оценки, так как была тесным образом связана с темой Октябрьской революции и гражданской войны. Цель данной статьи – определить основные тенденции в современной отечественной историографии по проблеме русского плена. Источниками послужили работы российских историков 2010–2015 годов, опубликованные в сборниках материалов «юбилейных» конференций, а также в российских периодических изданиях. Особое внимание уделено работам И. Б. Беловой, Е. С. Снявской, Е. Ю. Семеновой, О. В. Олейникова, Н. В. Суржиковой, В. В. Корнеева, а также изданиям материалов юбилейных научных конференций по проблеме. Определены наиболее перспективные методы исследований, которые использовали российские историки: военная антропология, микроистория, антропометрия. Исследователи русского плена дискутируют о масштабах явления, в целом придерживаясь прежних оценок о численности пленных и беженцев. Впервые в отечественной историографии подробно рассмотрены быт и условия содержания в российском плену, отношение к пленным со стороны местного населения и особое положение пленных славянского происхождения, главным образом австро-венгерских офицеров и солдат. Отношение к пленным славянам со стороны Российского правительства и военного командования является актуальной и новаторской темой современной исторической науки. В итоге был сделан вывод о том, что работы отечественных историков последних лет все более приобретают междисциплинарный характер и характеризуются антропологическим подходом.

Ключевые слова: плен, историография, военная антропология, Первая мировая война, славянские народы, концентрационные лагеря, быт военнопленных

Актуальность изучения проблем беженцев и пленных Первой мировой войны сегодня ни у кого не вызывает возражений. Во многом такая ситуация обусловлена тем, что к настоящему времени эта тема не ушла в прошлое, а обострилась. И в наши дни, когда военное решение, как и прежде, часто становится выходом из возникших межгосударственных и межэтнических конфликтов, все сопутствующие войне проблемы, в том числе вынужденные миграции и плен, сохраняют свою актуальность. И общество должно обращаться к истории, к опыту решения аналогичных проблем в прошлом, извлекая уроки и приобретая исторический опыт.

В советский период тема русского плена не изучалась подробно, исключение составляли исследования, посвященные воинам-интернационалистам, принявшим участие в гражданской войне на стороне Красной армии. Проблема русского плена в годы Первой мировой, слабо изученная в советский период, активно разрабатывается современными

исследователями. В 1999 году на одном из научных коллоквиумов в Санкт-Петербурге английский историк П. Гетрелл обратил внимание отечественных ученых на проблему беженцев и пленных в России в годы Первой мировой войны [22].

С середины 1990-х и начала 2000-х годов, когда появились исследования русского плена О. С. Нагорной, А. В. Посадского, С. Н. Васильева, Е. С. Снявской и ряда других исследователей, данное направление сдвинулось с «мертвой точки». И. В. Снявская впервые в отечественной историографии стала широко использовать военную антропологию как метод исследования истории плена [15–17]. Произошедший сравнительно недавно поворот методов исторических исследований в сторону антропологии и антропометрии – новое и перспективное направление для отечественной исторической науки.

Цель данной статьи – определение основных тенденций в современной отечественной историографии по проблеме изучения русского плена.

В последние годы появился ряд историографических обзоров по данной теме. Впервые подобная попытка историографического анализа была предпринята в 2014 году отечественной исследовательницей И. Б. Беловой [2]. Ученая из Брянского государственного университета в 2015 году защитила докторскую диссертацию на тему «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 годы». Историческим материалом для ее исследования послужили события и факты Центральных губерний России. Автором впервые подробно проанализированы работы отечественных историков по проблеме беженцев и плена в России со времени окончания войны до наших дней (точнее, до 2013 года).

Анализу зарубежной историографии Первой мировой войны, в том числе и вопросам плена, посвящены работы О. Е. Алпаева, Д. Ю. Козлова и Е. Н. Наземцевой [1; 8; 9]. Эти исследования касаются авторов из тех стран, которые принимали непосредственное участие в войне, и содержат характеристику методов, направлений и оценок зарубежных коллег. Исследование по англо-американской историографии Первой мировой войны было сделано О. Е. Алпаевым и Д. Ю. Козловым [1]. Авторы изучили огромное количество зарубежной англоязычной литературы по истории Первой мировой войны и пришли к выводу о том, что Восточный фронт для зарубежной англо-американской исторической науки был второстепенной темой изучения. Вся история Первой мировой войны рассматривалась с позиции западных стран. По мнению исследователей, это было связано с трудностями использования документов и работ советских и современных российских исследователей, так как эти работы практически не переводились на английский язык.

В исследованиях современной германской историографии Е. Н. Наземцевой отмечается, что на современном этапе развития немецкой историографии делаются попытки переосмыслить исторические оценки и методы исследований. Как отмечает Е. Н. Наземцева, «взгляд на Первую мировую войну через призму глобальной истории или «новой мировой истории» сегодня особенно популярен среди немецких исследователей» [8, с. 25].

«Юбилейные» 2014–2015 годы и организованные научные конференции дали повод для публикации целого ряда новых работ по данной проблеме, что объясняет необходимость продолжения историографического анализа. Серия мероприя-

тий, приуроченная к 100-летию трагических событий 1914–1918 гг., была проведена в России, где решением правительства создан специальный Оргкомитет под председательством спикера Государственной думы С. Е. Нарышкина. Публикация материалов этих научных мероприятий позволит не только специалистам, но и широкой общественности прийти к новому, более объективному пониманию значения Первой мировой войны в истории нашей страны и всего человечества, в том числе и по проблемам русского плена [13].

С 2010 по 2015 года в условиях активного изучения истории Первой мировой войны на страницах отечественных исторических журналов появился ряд работ, посвященных Отечественной войне, написанных с новых методологических позиций и применением современных методик исторического исследования.

Обстоятельный историографический очерк И. Б. Беловой раскрывает перед нами панораму развития отечественной исторической мысли по вопросу изучения русского плена с 1920 до 2013 года. Автор выделяет сильные и слабые стороны советской историографии, указывая, что «основным направлением исследований советских авторов являлась история интернациональных формирований, созданных из бывших военнопленных», и если затрагивались другие аспекты плена, то они относились к категории «непрофильных» работ». При этом И. Б. Белова отмечает, что на современном этапе изучения вопроса русского плена произошло расширение проблемы, стали затрагиваться ранее не изученные аспекты.

Во-первых, как пишет И. Б. Белова, это исследование численности вражеских военнопленных (работы Е. З. Жданова, И. Волкова, Шнейдера, А. Н. Попова, Ю. А. Полякова, С. Н. Васильева). Историки приводят различные цифры численности австро-венгерских военнопленных: от 1587099 (Жданов) до 1724000 (Шнейдер). Во-вторых, И. Б. Белова приводит характеристику источников информации исследователей. В качестве основных указываются данные Центрального комитета по делам военнопленных, энциклопедии и данные Международного Красного Креста. Она подчеркивает, что до сих пор нет единого мнения о точных данных о численности военнопленных. В-третьих, автор обращает внимание на ряд исследователей, занимающихся изучением деятельности советских эвакуационных органов и правового положения иностранных военнопленных. Как указывает И. Б. Белова, условия труда и повседневная жизнь в плену по-прежнему

остаются малоисследованным и актуальным направлением.

Необходимо также добавить, что в последние годы проявляется интерес историков к этнической стороне русского плена, в частности к проблеме военнопленных славян австро-венгерской армии [11,16,17]. До недавнего времени единственным источником данной темы порой оставались художественные и публицистические произведения чешского писателя и журналиста, участника войны Я. Гашека, сотворившего своеобразный миф об австро-венгерской армии и русском плене.

В настоящее время одним из перспективных направлений изучения проблемы плена Первой мировой войны является региональная история русского плена. На данный момент проведены исследования по Центральному Прикавказью (И. В. Крючков), Дальнему Востоку (Т. Я. Иконникова, Е. Ю. Бондаренко), Казанской губернии (Д. Люкшин), Воронежской губернии (Нигматов), Южному Уралу (Э. С. Идрисова). Научные исследования И. Б. Беловой проведены на материалах шести губерний Центральной России.

Опубликованные в последние годы исследования Б. Л. Хавкина [21] и А. В. Олейникова [10] и других отечественных авторов продолжают научное изучение проблемы русского плена. Необходимо выделить несколько проблем, которые оказались в центре внимания авторов публикаций о русском плене за последнее пятилетие: численность пленных, региональные особенности русского плена в различных губерниях, концентрационные лагеря, повседневная жизнь пленных, помощь международных благотворительных организаций, отношение местного населения к пленным, репатриация пленных.

Приведенные в работах данные о численности военнопленных, в основном не расходятся со сведениями, ранее полученными отечественной исторической наукой. Как показали работы Б. Л. Хавкина, наиболее изученным с точки зрения истории русского плена остается период с 1914 по 1915 год. Так, например, в ходе Галицийской битвы в плен попало до 100 тыс. австро-венгров, а во время Брусиловского прорыва – 400 тыс. человек. Количество попавших в русский плен в 1915–1917 годы практически не указывается современными исследователями, что свидетельствует о необходимости продолжения изучения данного периода.

Размещение военнопленных на территории России также имело свои особенности. Характерными местами их содержания были частные дома

местных обывателей, армейские казармы, концентрационные лагеря. Так, вопрос о размещении военнопленных в концентрационных лагерях рассматривается в работе военного историка В. В. Корнеева [6]. Этот ученый приводит сведения, что к 1917 году в России находились 2,2–2,4 млн военнопленных, в том числе около 1,9 млн из австро-венгерской армии, около 190 тыс. – из германской, около 63 тыс. – из турецкой и свыше 1500 человек – из болгарской. Для пленных были созданы около 400 лагерей, из них 128 в Московском военном округе, 113 – в Казанском, 37 – в Туркестанском, 30 – в Иркутском, 28 – в Омском, 18 – в Одесском, 15 – в Петроградском, 5 – в Приамурском и в других местах. Для сравнения приводится факт, что к 1916 году в Германии насчитывалось 239 лагерей для военнопленных, в Австро-Венгрии – 116 стационарных лагерей. Наиболее крупные российские лагеря находились в восточных районах на территории Сибири, Урала, Средней Азии. Их строили вплоть до Февральской революции. С 1916 года в азиатской части России необходимость в строительстве новых лагерей отпала ввиду запрета отправлять за Урал тех военнопленных, кого можно было привлечь к труду. Автор дает оценку обстоятельств и причин создания лагерей, их количество и географию, оценивает структура управления. Исследователь также приводит типологию лагерей и рассматривает в общих чертах условия содержания военнопленных. Первоначально не предполагалось, что возникнет необходимость в строительстве концентрационных лагерей. В начале 1915 года, когда, несмотря на принятые меры, во всех тыловых округах обострился дефицит помещений для военнопленных, в Военном министерстве был поднят вопрос о строительстве концентрационных лагерей.

О том, как присутствие военнопленных изменило жизнь российских провинциальных городов, подробно повествуется в статье Е. Ю. Семёновой [14]. Автор также касается проблемы возникновения концентрационных лагерей на территории Российской империи.

По мнению В. В. Корнеева и Е. Ю. Семёновой, причиной образования концлагерей является отсутствие свободных казарм для военнопленных и недовольство жителей, которые считали, что все возрастающая доля военнопленных в трудовом секторе вредит положению местного населения [6, с. 40; 14, с. 509]. В результате в 1915 году начинается, как пишет В. В. Корнеев, создание концентрационных лагерей. Казанский, Туркестанский и Омский военные округа были выбраны

верховным военным командованием как приоритетные для создания концентрационных лагерей. Также В. В. Корнеев отмечает, что с 1916 г. невозможно установить точное количество мест пребывания военнопленных, а 1918 год отмечен исследователем как год прекращения функционирования лагерей.

Е. Ю. Семёнова привязывает географическое расположение пленных к административному делению Российской империи и указывает, что в Вологодской, Вятской, Оренбургской, Заволжской и части Казанской губерний были созданы пункты для размещения военнопленных [14, с. 502]. Однако, как подчеркивает исследователь, большая часть пленных была переправлена за Урал, где располагалось основное количество концентрационных лагерей.

Вопросу размещения военнопленных на территории Урала посвящены исследования Н. В. Суржиковой [18; 19]. Она выяснила, что на начальном этапе войны в 1915–1916 годы военнопленные, проживавшие в лагерях, привлекались к труду и получали заработную плату. Однако вскоре возник конфликт между пленными и рабочими из числа местного населения, считавшими несправедливой систему оплаты труда. Попытки внедрить военнопленных в хозяйственную жизнь Урала с целью повышения уровня производства не принесли ожидаемых результатов.

Вопросу региональной истории плена посвящено уже упомянутое исследование Е. Ю. Семёновой, в котором анализируется ситуация о размещении пленных в Поволжье [14]. Автор подчеркивает, что пребывание военнопленных в европейской части России, основная часть которых отправлялась на постоянное место пребывания на восток страны, носило переходный характер. В общей сложности на территории Поволжья размещалось в разные периоды от нескольких десятков и нескольких сотен и даже более пяти тысяч человек. Среди пленных, по оценке автора, преобладали представители славянской народности: чехи, поляки, русины, словенцы, сербы. Их размещение на этапе было затруднительно, поэтому многих селили в казармы или даже располагали у местных жителей на постой. Автор не дает оценочных характеристик уровню жизни военнопленных, однако, указывает, что они до 1915 года содержались в казармах и даже в домах жителей и им выплачивался оклад. В целом исследователь подчеркивает: содержание пленных в Поволжье соответствовало всем международным и государственным требованиям [14, с. 508–509].

Одновременно с исследованиями Е. Ю. Семёновой проблему пребывания военнопленных в Поволжье, точнее в Вятской губернии, рассматривает в своей статье молодая исследовательница из Вятского государственного университета С. И. Гурьянова [4]. На основе анализа впервые введенных в научный оборот архивных материалов автор показывает, что в тяжелых условиях войны среди пленных Вятской губернии (более 15 тыс. человек) начинают развиваться такие опасные заболевания, как сыпной и брюшной тиф, оспа, холера, сибирская язва. Перед администрацией лагерей и губернии стояла важная задача: не распространить заболевания среди пленных и населения. Нехватка медицинских кадров восполнялась за счет военнопленных, среди которых были врачи. Администрация разрабатывала необходимые санитарные нормы, обязательные для выполнения. Из подробного рассмотрения истории борьбы с эпидемиями в уездных городах (Орлов и Слободской) С. И. Гурьянова пришла к выводу: принятые меры позволили избежать распространения заболеваний как среди пленных, так и среди местного населения.

Сведения по Поволжью дополняют архивные материалы Царевококшайска, опубликованные Н. А. Лукиных и Е. А. Поповой в тематическом научно-практическом ежегоднике «Запад – Восток» за 2014 год [12]. В данном издании, полностью посвященном теме Первой мировой войны, часть статей рассматривает т. н. «обратную сторону войны» – судьбы людей воюющих держав, в том числе и положение пленных в России. В статье Н. А. Лукиных и Е. А. Поповой, опубликованной в ежегоднике, приведены данные по Царевококшайску и Козьмодемьянску – уездным городам Казанской губернии. Эти сведения, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно безмятежной жизни военнопленных в уездных городах и весьма дружелюбном отношении со стороны местных жителей. С другой стороны, относятся лишь к первым годам плена, отсутствуют оценочные характеристики жизни пленных в период с 1916 по 1918 год. Более подробно положение австро-венгерских пленных в этих уездных городах описано в статье Г. В. Рокиной, размещенной другом тематическом издании Псковского отделения военно-исторического общества, также посвященного Первой мировой войне и вопросам русского плена [12]. Авторы публикации приходят к выводу, что «жизнь военнопленных четко регламентировалась, они получали все, что им было положено». Режим пребывания был либеральным,

и жизнь военнопленных не была отягощена ни трудом (за исключением рядовых чинов), ни жестоким обращением. Горожане шли на контакт с пленными, даже были случаи заключения браков с иностранцами [12].

Представители славянских народностей, участвовавшие в рядах австро-венгерской армии, в большинстве своем не желали воевать против русских и по собственному желанию переходили на сторону врага, сдавались в плен. Непростое, даже двойственное, отношение к пленным славянам выражалось в том, что, с одной стороны, пленные – это те, кто сдался в плен, а с другой – сдавшиеся в плен были славянами. Особое отношение к военнопленным славянам отмечают В. В. Корнеев, Е. Ю. Семёнова, А. С. Туманов.

Одним из первых крупных исследований за последние пять лет по вопросу оказания помощи пленным славянам на территории Российской империи стала работа А. С. Туманова [20]. Автор подробно рассматривает деятельность общественных организаций чехов, словаков, сербов, поляков. Исследователь отмечает непростую судьбу создания общественных организаций для пленных поляков, потому что правительство и общественность с недоверием относились к полякам. В целом «активно нарождавшиеся в годы войны славянские организации способствовали консолидации привилегированных национальных меньшинств». Положительной стороной общественных движений и организаций была, по мнению этого автора, моральная и физическая поддержка пленных. А. С. Туманов приходит к выводу, что на базе общественных движений в послевоенный период развивается национально-освободительное движение славянских народов.

Взаимоотношения военнопленных и местного населения на примере различных регионов посвящены статьи Е. Ю. Семёновой, А. С. Туманова, В. В. Корнеева, И. В. Суржиковой, И. С. Гурьяновой, Е. С. Сенявской, Н. А. Лукиных, Е. А. Поповой и Г. В. Рокиной. Историки сходятся во мнении, что отношение местного населения к военнопленным было неоднозначным в разные периоды, в разных областях России.

Наиболее общие оценки отношения между местным населением и военнопленными даны В. В. Корнеевым, который указывает, что местное население уже к 1915 г. было недовольно все увеличивающимся количеством пленных. Действительно, подобные явления недовольства начинаются с 1915 года, что подтверждается в исследованиях названных авторов. До этого времени настроение

в целом было терпимым, порой даже дружелюбным и сочувствующим, хотя, как подчеркивает Е. Ю. Семёнова, не все население приветствовало сложившуюся ситуацию и называло военнопленных различными обидными словами, например «дармоедами» [14, с. 510]. Подобное отношение к пленным наблюдается не только в Поволжье, но и на Урале. Как отмечает Н. В. Суржикова, враждебное отношение населения к пленным имело и экономические корни. Иногда это было вызвано привлечением военнопленных к различного рода работам на предприятиях Урала. Местное население считало, что у них забирают рабочие места и заработки [19, с. 152].

Особенно ярко положение пленных изложено в анализе дневника Йохана Принса, проведенного М. И. Вебер и Н. В. Суржиковой [3]. В работе отмечено, что в 1917 г. содержание военнопленных в лагерях Сибири и отношение к ним было крайне суровым, «пленные не рассчитывали на многое, но не получали даже необходимого» [3, с. 348]. Подобный контраст может быть объясним, с одной стороны, разницей в административно-территориальном положении Центра и Сибири, а с другой стороны – все ухудшающимся год от года экономическим положением внутри страны и, следовательно, все портящимся отношением к пленным со стороны местного населения, которое видело в них просто «лишние рты», «дармоедов».

Исследование проблемы русского плена в последние пять лет во многом идет на уровне регионов, областей и краев. Историки обращают внимание на такие аспекты, как установление точного количества пленных, их размещение на территории Российской империи, характеристику быта и повседневности. Изучается деятельность международных и российских общественных организаций, взаимодействовавших с военнопленными в соответствии с международным законодательством. Сегментирование проблемы на более мелкие находит свое отражение в изучении положения представителей отдельных национальностей и народностей, попавших в русский плен. Подробный анализ проблемы русского плена, обращение внимания на психологию пленных, региональное изучение проблемы ставит исследование темы на новый уровень, чем это было в советский период и в начале 1990-х годов.

Таким образом, сегодня можно определить основные тенденции в изучении проблемы русского плена Первой мировой войны, которые характеризуют современный этап отечественной историографии Первой мировой войны.

Во-первых, это междисциплинарная методология, которая присуща большинству работ отечественных авторов. Отечественные историки творчески применяют подходы, характерные ранее для других смежных наук: исторической политологии, социологии, культурологии, психологии и имагологии. Во-вторых, это ярко выраженный антропологический подход, когда авторы фокусируют внимание на анализе эмоционально-психологического состояния пленных солдат и офицеров в рамках лагерной повседневности. Изучение жизни в плену дополняется интересом к рассмотрению проблем этнических особенностей пленных, взаимоотношений с местным населением, деятельности благотворительных организаций. В сочетании с так называемой микроисторией, т. е. исследованием роли в войне простых солдат и офицеров, медиков, священников, работников тыловых предприятий, представителей творческой интеллигенции, причем не только мужчин, но и женщин, военная антропология позволяет взглянуть на события уже далекой от нас эпохи с точки зрения проблем сегодняшнего дня. Речь идет о таких вопросах, как социализация инвалидов войны, помощь государства вдовам и сиротам, сохранение исторической памяти, создание и поддержание в достойном виде воинских захоронений и мемориалов.

1. Алпаев О. Е., Козлов Д. Ю. Неизвестная война: англо-американская историография Восточного (Русского) фронта Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 4.
2. Белова И. Б. Военнопленные Четверного союза в России // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 160–169.
3. Вебер М. И., Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на востоке России: взгляд Иоганна Принса // Диалог со временем. Вып. 47. М.: ИВИ РАН, 2014.
4. Гурьянова С. И. Организация медицинской помощи военнопленным стран Центрального блока в Вятской губернии в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 5. С. 52–56.
5. Комелина Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск // Запад – Восток. 2014. № 7. С. 126–136.
6. Корнеев В. В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40–43.
7. Лукиных Н. А. Попова Е. А. Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны // Запад – Восток. 2014. № 7. С. 92–103.
8. Наземцева Е. Н. Первая мировая война в современной германской историографии: основные тенденции и направления // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 25–29.
9. Наземцева Е. Н. Первая мировая война и ее Восточный (Русский) фронт в германской историографии второй половины XX века // Военно-исторический журнал. 2015. № 6. С. 32–36.

10. Олейников А. В. Кампания 1914 года на Русском фронте // Военно-исторический журнал. 2014. № 8–10.
11. Рокина Г. В. Австро-Венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии: Царевококшайск и Козьмодемьянск // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории: коллективная монография. Очерк 14. М.: РАН, 2015. С. 230–247.
12. Рокина Г. В. Предисловие // Запад – Восток: научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2014. С. 5–6; Рокина Г. В. Первая мировая война и Марийский край // Псковский военно-исторический вестник: научный альманах. Вып. 1. Псков, 2015. С. 149–155.
13. Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред.: А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Гос. ист. музей; Федеральное арх. агентство; Рос. ист. о-во. М.: [ИРИ РАН], 2014. 712 с.; Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е. П. Серапионова. М, СПб.: Нестор-История, 2014.
14. Семенова Е. Ю. Отношение горожан Поволжья к гражданам немецкого населения в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 139–144.
15. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 232 с.
16. Сенявская Е. С. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника // Вестник РУДН. Сер. История. № 4. С. 11–127.
17. Сенявская Е. С. Повседневная жизнь в австрийском плену глазами русского солдата. 1915–1918 гг. (по дневнику Р. М. Фишелева) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы Международной научной конференции. М.: [ИРИ РАН], 2014. С. 643–651.
18. Суржикова Н. В. Военнопленные в экономике Среднего Урала // Страницы истории России и Урала. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/vols/vol5.htm> (21.10.2013).
19. Суржикова Н. В. Производительность труда пленных иностранцев на Урале в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 149–155.
20. Туманов А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Политическая энциклопедия. 2014. 327 с.
21. Хавкин Б. Л. Русский фронт Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 8.
22. Gatrell P. Refugees in the Russian Empire. 1914–1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London–Sydney, 1997.

1. Alpaev O. E., Kozlov D. Ju. Neizvestnaja vojna: anglo-amerikanskaja istoriografija Vostochnogo (Russkogo) fronta Pervoj mirovoj vojny. *Voенno-istoricheskij zhurnal*. 2014. No. 4.
2. Belova I. B. Voennoplennnye Chetvernogo sojuza v Rossii. *Voprosy istorii*. 2014. No. 6. Pp. 160–169.
3. Veber M. I., Surzhikova N. V. Voennoplennnye Pervoj mirovoj vojny na vostoке Rossi: vzgljad Ioganna Prinsa. *Dialog so vremenem*. Vyp. 47. M.: IVI RAN, 2014.
4. Gur'janova S. I. Organizacija medicinskoj pomoshhi voennoplennym stran Central'nogo bloka v Vjatskoj gubernii v 1914–1917 gg. *Voенno-istoricheskij zhurnal*. 2014. No. 5. Pp. 52–56.
5. Komelina L. N. Pervaja mirovaja vojna i gorod Carevokokshajsk. *Zapad – Vostok*. 2014. No. 7. Pp. 126–136.

6. Korneev V. V. Koncentracionnye lagerja v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2015. No. 9. Pp. 40–43.
7. Lukinyh N. A. Popova E. A. Uezdnyj Carevokokshajsk v gody Pervoj mirovoj vojny. *Zapad – Vostok*. 2014. No. 7. Pp. 92–103.
8. Nazemceva E. N. Pervaja mirovaja vojna v sovremennoj germanskoj istoriografii: osnovnye tendencii i napravlenija. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2014. No. 9. Pp. 25–29.
9. Nazemceva E. N. Pervaja mirovaja vojna i ee Vostochnyj (Russkij) front v germanskoj istoriografii vtoroj poloviny XX veka. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2015. No. 6. Pp. 32–36.
10. Olejnikov A. V. Kampanija 1914 goda na Russkom fronte. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 2014. No. 8–10.
11. Rokina G. V. Avstro-Vengerskie plennye Pervoj mirovoj vojny v uezdnyh gorodah Kazanskoj gubernii: Carevokokshajsk i Koz'modem'jansk. *Pervaja mirovaja vojna i sud'by narodov Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy. Oчерki istorii: kollektivnaja monografija*. Oчерk 14. M.: RAN, 2015. Pp. 230–247.
12. Rokina G. V. Predislovie. *Zapad – Vostok: nauchno-prakticheskij ezhegodnik*. Yoshkar-Ola, 2014. Pp. 5–6; Rokina G. V. Pervaja mirovaja vojna i Marijskij kraj. *Pskovskij voенно-istoricheskij vestnik: nauchnyj al'manah*. Vyp. 1. Pskov, 2015. Pp. 149–155.
13. Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 30 sentjabrja – 3 oktjabrja 2014 g.), otv. red.: A. N. Artizov, A. K. Levykin, Ju. A. Petrov; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk; Gos. ist. muzej; Federal'noe arh. agentstvo; Ros. ist. o-vo. M.: [IRI RAN], 2014. 712 p.; Social'nye posledstvija vojn i konfliktov XX veka: istoricheskaja pamjat', otv. red. E. P. Serapionova. M, SPb.: Nestor-Istorija, 2014.
14. Semenova E. Ju. Otnoshenie gorozhan Povolzh'ja k grazhdanam nemeckogo naselenija v gody Pervoj mirovoj vojny. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2011. No. 1 (25). Pp. 139–144.
15. Senjavskaja E. S. Chelovek na vojne. Istoriko-psihologicheskie oчерki. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 1997. 232 p.
16. Senjavskaja E. S. Narody Avstro-Vengrii v Pervoj mirovoj vojne glazami russkogo protivnika. *Vestnik RUDN. Ser. Istorija*. No. 4. Pp. 11–127.
17. Senjavskaja E. S. Povsednevnaia zhizn' v avstrijskom plenu glazami russkogo soldata. 1915–1918 gg. (po dnevniku R. M. Fischeleva). *Rossija v gody Pervoj mirovoj vojny, 1914–1918: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. M.: [IRI RAN], 2014. Pp. 643–651.
18. Surzhikova N. V. Voennoplennye v jekonomike Srednego Urala. *Stranicy istorii Rossii i Urala*. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/vols/vol5.htm> (21.10.2013).
19. Surzhikova N. V. Proizvoditel'nost' truda plennyh inostrancev na Urale v 1914–1917 gg. *Voprosy istorii*. 2012. No. 2. Pp. 149–155.
20. Tumanov A. S. Obshestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917). M.: Politicheskaja jenciklopedija. 2014. 327 p.
21. Havkin B. L. Russkij front Pervoj mirovoj vojny. *Novaja i novejsaja istorija*. 2014. № 1. S. 8.
22. Gatrell. P. Refugees in the Russian Empire. 1914–1917. *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. London–Sydney, 1997.

Статья поступила в редакцию 14.09.2015 г.

G. S. Morozov

Mari State University, Yoshkar-Ola

PROBLEM OF THE RUSSIAN FIRST WORLD WAR CAPTIVITY IN THE CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the study of modern historiography of Russian captivity during the First World War. The urgency of the problem has increased in connection with the 100th anniversary of this global event and the emergence of new areas of scientific historical research. This problem did not have a comprehensive analysis and objective evaluation in the Soviet historiography, as it was closely linked to the theme of the October Revolution and the Civil War. The purpose of this article is to identify the main trends in modern Russian historiography on the issue of Russian captivity. The sources were the works of Russian historians, published in 2010–2015 in journals of jubilee conferences, as well as in Russian periodicals. Particular attention is paid to the works of I. B. Belova, E. S. Sinyavskaya, E. U. Semenova, O. V. Oleynikov, N. V. Surzhikova, V. V. Korneev, as well as to the editions of materials of jubilee scientific conferences on this issue. The paper identified the most promising methods of research, which used Russian historians: Military anthropology, microhistory, anthropometry. Researchers of Russian captivity discuss about the scale of the phenomenon, but in general they follow previous estimates on the number of prisoners and refugees. For the first time in the national historiography the study discussed in detail the life and conditions of detention in Russian captivity, the attitude towards the prisoners from the local population and the particular situation of the prisoners of Slavic origin, mainly Austro-Hungarian officers and soldiers. The attitude towards captive Slavs from the Russian government and military command are relevant and innovative theme of modern historical science. As a result, it was concluded that the works of local historians of recent years are increasingly interdisciplinary in nature and are characterized by an anthropological approach.

Keywords: captivity, historiography, military anthropology, the First World War, the Slavic peoples, concentration camps, prison life